ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.В. СОБОЛЕВА
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ДВЕ СТОРОНЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТРУДА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ОЦЕНКЕ

В статье результативность труда рассматривается с двух точек зрения: вклада в благосостояние общества в целом и индивидуального интереса субъекта трудового процесса – работника. Показано, что сегодня стандартные подходы к оценке результативности труда недостаточно полно и достоверно отражают реальность, поскольку не приспособлены для учета неосязаемых, не имеющих физического воплощения благ, которые при этом удовлетворяют важнейшие человеческие потребности. Обсуждаются альтернативные пути измерения экономических и социальных результатов трудовой деятельности, в том числе расширение спектра индикаторов, отражающих нематериальные факторы прироста благосостояния.

Ключевые слова: *результативность труда, индикаторы результативности, производительность труда, благосостояние, субъективное благополучие, непосредственная полезность труда, баланс времени.*

УДК: 330.342, 331, 338.312

EDN: AYJYKU

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_7_22

В соответствии с подходом, сложившимся в своих основных чертах в период господства индустриальной экономики, внешняя по отношению к отдельному человеку сторона результативности труда измеряется показателем его производительности. Взгляд на результативность со стороны работника традиционно концентрировался на сопоставлении трудовых затрат и компенсирующего их вознаграждения. Однако по мере развития экономики и общества эта устоявшаяся методология постепенно становится узкой. В ее рамках невозможно учесть всю совокупность факторов, в настоящее время влияющих на производительность, особенно тех из них, которые обусловлены ростом непроизводственной сферы экономики и внедрением

новых технологий. Статья ставит задачу выявить ограничения и проблемы, в которые в современных условиях упираются сложившиеся подходы к исследованию результативности труда, и обосновать необходимость расширения круга аспектов и индикаторов, учитываемых при ее оценке.

Уязвимость показателя ВВП и сложность его измерения

Показатель производительности труда, рассчитываемый как произведенный ВВП на душу работающего населения, хорошо отражал реалии индустриальной экономики, когда доминировало материальное производство, а большинство рабочих мест предполагало полную занятость на стандартных условиях. Структура экономики и качественные параметры производимых благ менялись достаточно медленно, и эти изменения было относительно легко отследить. Продукция отраслей материального производства поддается учету в натуральном или условно-натуральном выражении, а для приведения произведенных объемов разнообразных благ к единому знаменателю используются рыночные цены и дефляторы, учитывающие их изменение от года к году. На таком подходе основана система национальных счетов, разработанная и внедренная в практику статистического учета во второй половине прошлого века и в основных чертах сохранившаяся до настоящего времени. Однако в ходе технологического и социально-экономического развития последних десятилетий в природе и способах производства, распределения и потребления создаваемых благ происходят изменения, из-за которых устоявшийся подход к измерению их объемов все менее адекватно отражает реальность. Связано это, во-первых, с трудностью учета быстрых качественных сдвигов в структуре экономики и с появлением новых видов продукции и услуг, радикально расширяющих возможности людей и меняющих структуру потребления. Даже на очень коротких промежутках времени продукция отдельных отраслей становится несоизмеримой по своим натуральным характеристикам и полезным свойствам. Исследователи фиксируют ценовой парадокс: появление новых, менее затратных в производстве и, следовательно, более дешевых, но лучше удовлетворяющих ту или иную потребность продуктов приводит одновременно и к росту результативности труда, рассматриваемой в аспекте благополучия людей, и к сокращению величины ВВП [13]. Соответственно, многократно возрастает риск искажения динамики физического объема ВВП, поскольку все труднее найти опорные точки для расчета дефляторов [18]. Во-вторых, растет доля отраслей экономики, в которых результат деятельности плохо поддается или вовсе не поддается количественному измерению в натуральном выражении.

Достаточно часто возникает ситуация, когда создаваемый продукт не имеет материального носителя, а процессы производства и потребления совпадают во времени.

Британский исследователь Диана Койл характеризует этот тренд как «растущую невесомость экономики» [14, с. 19]. К таким «невесомым» отраслям нематериального производства относятся, с одной стороны, финансы, торговля, юридические услуги и т. п., образующие разрастающийся неосязаемый каркас рыночной экономики, с другой – отрасли гуманитарного сектора (здравоохранение, образование, культура, наука), непосредственно отвечающие за человеческое развитие и общественный прогресс. Значительная часть производимых в «невесомых» отраслях благ выводится за пределы рыночных отношений и распределяется через механизмы, напрямую не связанные с ценообразованием, а потому не получает рыночной оценки. Результат деятельности в данном случае имеет не только непосредственную полезность для индивидуальных потребителей, но и широкий спектр позитивных внешних эффектов, значительная часть которых проявится в будущем, а прямая оценка вклада в ВВП текущего года (периода) становится проблематичной.

Для заполнения пробелов в учете ВВП в практике статистического учета сегодня прибегают к вмененной оценке вклада неохваченных или частично охваченных рынком сфер, то есть к искусственному досчету на основе вложенных в их функционирование средств. Парадокс состоит в том, что увеличение вложений (например, выделение дополнительных бюджетных ассигнований на повышение оплаты труда учителей или медицинских работников) автоматически отразится в статистике как прирост вклада соответствующей отрасли в ВВП, и наоборот, отставание заработков будет интерпретироваться как снижение производительности труда. Параллельно с этим несовершенным, но в последние годы ставшим общепринятым подходом предпринимаются усилия по разработке «условно-натуральных» показателей выработки в социальных отраслях по аналогии с материальным производством. Такая линия прослеживается в ряде правительственных документов[1] и разделяется некоторыми исследователями [1]. Однако в научном сообществе все же доминирует более адекватно отражающая специфику и значимость социальных отраслей позиция, согласно которой перенос концепта производительности труда из реального сектора эконо-

[1] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утвержден Правительством Российской Федерации 09.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/935e45c5ae3093c489d59f226d92613ed8f675c0/?ysclid=mmjbnftm5r321907291 (дата обращения: 21.07.2026).

мики на отрасли социальной сферы искажает систему стимулов их деятельности и ведет к недооценке их вклада в благосостояние современных обществ [2; 8].

Также существует и другой, не получивший широкое распространение, альтернативный подход к измерению удовлетворяющих важнейшие человеческие потребности результатов трудовой деятельности в отраслях гуманитарного сектора на основе вмененной оценки производительности труда [3]. В соответствии с ним предлагается приравнять производительность труда в этих отраслях к средней по экономике и на этой основе рассчитывать их консолидированный (рыночный и нерыночный) вклад в ВВП исходя из численности занятых и средних по экономике значений производительности. Увязка оценки вклада нематериального производства с вмененной производительностью направлена на обоснование необходимости расширения финансовой поддержки гуманитарного сектора, что, безусловно, принесло бы отдачу в долгосрочном периоде. Однако такой подход вряд ли применим для оценки реального вклада гуманитарного сектора в ВВП.

Таким образом, получить адекватно отражающую реальность оценку общего объема произведенных в течение года благ становится все сложнее. Впервые на эту проблему обратил внимание американский исследователь Цви Грилихес, предложивший классифицировать виды экономической деятельности по «уровню измеримости» производимого продукта. К отраслям, продукт которых поддается измерению с приемлемой степенью точности, Ц. Грилихес относит сельское хозяйство, промышленность, транспорт и коммунальные услуги. Остальные отрасли (включая принадлежащее к реальному сектору строительство) относятся в его классификации к «неизмеряемой экономике». По расчетам Ц. Грилихеса, доля продукции измеряемой части экономики в структуре официального ВВП США сократилась с примерно половины (48,7%) в 1947 г. до менее трети (30,9%) в 1990 г. [18]. В том же направлении изменялась и структура занятости. Согласно более поздним оценкам, доля измеряемого сектора ВВП США в 2023 г. составляла уже лишь около 20% [14].

Структура отечественной экономики отличается от американской: доля относительно легко поддающихся измерению отраслей реального сектора в ней существенно выше. Тем не менее, как видно из табл. 1, и в России по крайней мере половина общего объема создаваемых благ приходится на «невесомую экономику» и наблюдается рост доли видов деятельности, продукт которых сложно измерить.

Трудности количественной оценки в современных условиях обозначились и в связи с расчетом знаменателя показателя производительности труда. Они связаны с резким ростом гибкости трудовых отношений и распространением нестандартных форм занятости, про-

Таблица 1

Структура ВВП и распределение занятых по видам экономической деятельности в Российской Федерации (%)

Вид экономической деятельности	Доля в ВВП		Доля в совокупной занятости	
	2002 г.	2024 г.	2000 г.	2024 г.
Реальный сектор				
Сельское хозяйство	6,3	3,2	14,1	5,8
Добыча полезных ископаемых	6,7	12,1	1,7	1,7
Обрабатывающие производства	17,2	14,4	19,1	14,4
Производство и распределение энергии, газа и воды	3,8	2,6	2,9	3,0
Транспорт	8,5	6,5	6,1	8,1
Строительство	5,4	5,0	6,7	9,3
Приемлемо измеряемая часть реального сектора	42,5	38,8	43,9	33,0
Реальный сектор в целом	47,9	43,8	50,6	42,3
Услуги, поддающиеся рыночной оценке				
Торговля	22,9	11,9	13,7	18,4
Связь и ИТ	3,1	7,0	1,7	2,6
Финансы	2,9	4,9	1,0	1,7
Другие услуги	10,3	16,8	10,2	12,6
В целом	39,2	40,6	26,6	35,3
Нерыночные виды деятельности, имеющие только вмененную оценку				
Наука	1,5	0,9	1,9	1,1
Образование	2,9	2,8	9,3	7,3
Здравоохранение	3,4	3,2	6,8	6,2
Государственное управление	5,1	8,7	4,8	7,7
В целом	12,9	15,6	22,8	22,3

Рассчитано по: данные Росстата. Баланс трудовых ресурсов. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2000–2015 гг. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года. https://rosstat.gov.ru/labour_force; Произведенный ВВП. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 21.07.2026).

должительность и интенсивность которой варьируется в очень широких пределах и трудно поддается учету. В России, где на сегодняшний день подавляющая часть работников занята на стандартных условиях, эта проблема стоит не столь остро, как проблема оценки реальной величины производимого продукта. Однако уже сейчас понятно, что удельный показатель в расчете на одного занятого предполагает существенное искажение, масштабы которого будут неуклонно расти.

ВВП как индикатор результативности: слепые зоны

Наряду с трудностями «соизмерения несоизмеримого», обострившимися в условиях непрерывного появления принципиально новых технологий, благ и услуг, радикально меняющих структуру потребления и качество жизни в целом, уязвимость ВВП как универсального синтетического показателя экономического результата имеет и другой, не менее важный аспект. Он отражает усложнение связи между объемом, вариативностью и качеством производимых благ, с одной стороны, и уровнем благополучия и качества жизни населения, с другой. На протяжении длительного времени, когда для значительной части населения остро стояла проблема насыщения базовых потребностей, эта связь была в целом прямой и понятной. Сегодня ситуация меняется, и постепенно растет осознание того, что измеряемый ВВП прирост объема создаваемых благ, в том числе нематериальных, отнюдь не всегда представляет собой вклад в благосостояние ни на индивидуальном уровне, ни на уровне обществ[2]. В изменившихся реалиях казавшееся незыблемым убеждение, что рост ВВП является ключевым индикатором экономического прогресса и благосостояния обществ, постепенно теряет сторонников как в научном сообществе, так и среди представителей политических структур, международных организаций и общественности.

Поворотным пунктом стал доклад Дж. Стиглица, А. Сена и Дж.-П. Фитусси [27] для Комиссии по измерению эффективности экономики социального прогресса, созданной в 2008 г. по инициативе правительства Франции[3]. Доклад привлек внимание к таким негативным проблемам, как истощение природной среды и рост неравенства в его монетарных и немонетарных проявлениях. Общий вывод состоял в необходимости пересмотра традиционного подхода к определению целей экономического развития. Авторы отметили приоритетность не количественных индикаторов экономического роста и соизмерения отдачи с вложенными ресурсами, отражаемых показателями производительности, а расширения или пересмотра целевых установок экономической деятельности, на достижении которых необходимо сосредоточить усилия.

---

[2] Как показал ряд межстрановых исследований, связь между уровнем ВВП на душу населения и целевыми индикаторами благополучия прослеживается только для беднейших стран и исчезает после достижения определенного порогового уровня среднедушевого дохода [16; 22; 23].

[3] Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. https://web.archive.org/web/20150622185128/http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm (дата обращения: 06.08.2026).

Доклад Дж. Стиглица, А. Сена, Дж.-П. Фитусси дал импульс многочисленным исследованиям и инициативам, посвященным разработке альтернативных индикаторов, отражающих не просто прирост создаваемого продукта, а вклад в улучшение благополучия людей, в том числе расширения круга возможностей, открытых для каждого конкретного человека. К числу таких инициатив относятся: Программа развития ООН, в рамках которой ежегодно публикуются доклады о развитии человеческого потенциала[4] и утверждены Цели развития тысячелетия[5]; Программа «Благополучие за пределами ВВП» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[6] и ряд других проектов, направленных на расширение подхода к измерению экономического прогресса.

Можно выделить несколько направлений обсуждения проблемы измерения и оценки результатов экономической деятельности. Прежде всего, дискутируется вопрос о том, целесообразно ли выстраивать альтернативную систему индикаторов в дополнение к ВВП или интегрировать ВВП в качестве одного из равноправных элементов новой системы индикаторов [19]. Сюда же примыкают дискуссии о преимуществах и недостатках единого интегрального индикатора, более или менее точно отображающего спектр наблюдаемых проявлений экономического и социального прогресса, или системы индикаторов, каждый из которых характеризует ту или иную его сторону [10]. Другое направление – обоснование важности учета, во-первых, распределительных аспектов благополучия и его социальной, экономической и экологической устойчивости и, во-вторых, индивидуальных ощущений, предпочтений и возможностей. При этом приобретает все больше сторонников перенос внимания со среднестатистических показателей текущего благосостояния на его распределение, включая распределение среди разных слоев и категорий населения с акцентом на доступности материальных и нематериальных благ для наиболее уязвимых слоев, с одной стороны, и распределение между настоящими и будущими поколениями, с другой[7].

Одновременно активно обсуждается необходимость дополнить картину, получаемую на основе традиционно используемых объективных статистических данных, индикаторами, характеризующими

---

4 https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index (дата обращения: 23.07.2026).

5 https://www.un.org/millenniumgoals/ (дата обращения: 23.07.2026).

6 https://www.beyond-gdp.eu/ (дата обращения: 04.08.2026).

7 UN System Chief Executives Board for Coordination. Valuing what counts—United Nations system-wide contribution on progress beyond gross domestic product (GDP). 17 August 2022. https://unsceb.org/valuing-what-counts-united-nations-system-wide-contribution-beyond-gross-domestic-product-gdp (дата обращения: 04.08.2026).

различные аспекты субъективного благополучия людей, степень соответствия доступных для них благ и открытых возможностей их реальным потребностям, предпочтениям и притязаниям. В одной из своих ранних работ А. Сен, неоднозначно относящийся к валидности субъективных индикаторов, тем не менее отмечал, что для разных людей те или иные аспекты их жизненной ситуации могут иметь разное значение: для одних на первом месте стоит карьера и заработок, для других – семейные отношения и связи, для третьих – доступность и разнообразие досуга и т. д. [25]. Объективные индикаторы неизбежно проигнорируют эти различия, в то время как оценки уровня субъективного благополучия позволяют их уловить [21]. Основные аспекты, которые должна отразить матрица субъективных индикаторов благополучия, таких как состояние здоровья, доступность качественного образования, социально-экономическая защищенность, доверие к государству и ряд других, рассмотрены в масштабном докладе, подводящем промежуточные итоги исследований в области альтернативных путей измерения экономического и социального прогресса современных обществ, опубликованном в 2018 г. под эгидой ОЭСР [26].

Осознание роли субъективной стороны благополучия как важного результата экономической деятельности открывает перспективу оценки результативности труда не только сверху – на основе прироста общего блага, определяемого в первую очередь с опорой на макроэкономическую статистику, но и с позиций отдельного человека, участвующего в создании этого прироста.

Результативность труда: взгляд работника

В современных условиях исследования результативности труда, отражающие точку зрения непосредственных участников трудового процесса, также претерпевают существенные изменения. Постепенно из экономического мейнстрима уходит упрощенный взгляд на труд как деятельность, имеющую исключительно инструментальную полезность в виде компенсации затраченных усилий. Одним из первых на непосредственную полезность труда обратил внимание профессор Мичиганского университета Ф.Т. Джастер. На данных масштабного эмпирического исследования он продемонстрировал, что для американцев работа занимает одну из верхних позиций в рейтинге непосредственной полезности различных видов деятельности, обгоняя большинство вариантов проведения досуга и уступая лишь общению с детьми и друзьями и путешествиям. В то же время получение немонетарной отдачи от труда возможно лишь при соблюдении определенных условий, важнейшим из которых является оптимизация продолжительности рабочего времени. Ф.Т. Джастер отмечал, что

по мере ее увеличения за пределы стандартного рабочего дня субъективные оценки непосредственной полезности труда падают вплоть до отрицательных значений [20].

Сегодня в большинстве развитых стран это обстоятельство принимается во внимание при разработке политики в социально-трудовой сфере. Обостряющуюся в связи со старением населения проблему роста иждивенческой нагрузки на его экономически активную часть пытаются решить в основном путем повышения трудоспособного возраста. Одновременно прослеживается тенденция к постепенному сокращению рабочего времени. Сегодня фактическая продолжительность рабочей недели в Европе, как правило, составляет 34–36 часов, и активно обсуждается возможность ее дальнейшего сокращения [7; 12]. По мнению многих исследователей, статистиков и политиков, высвобождение ресурса времени и улучшение баланса работы и других сфер жизнедеятельности является на сегодняшний день не менее важным маркером возрастающей результативности труда, чем прирост физического объема ВВП [14]. Показательно, что самая длинная рабочая неделя (более 40 часов) зафиксирована в беднейших африканских странах [11].

Оценки динамики рабочего времени в России противоречивы. По данным обследования рабочей силы, проводимого Росстатом, в последние годы, вопреки глобальному тренду, наблюдался рост продолжительности фактически отработанного времени до пиковых значений – 38,2 часа в неделю в 2023–2024 гг. Однако данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени дают несколько иную картину (см. табл. 2). Между двумя раундами этого обследования (2019 и 2024 г.) доля суточного фонда времени, которую работающее население страны посвящает оплачиваемой занятости, в среднем даже несколько сократилась как для мужчин, так и для женщин, а доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый домашний труд, сократилась весьма значительно. Единственным объяснением этому факту может быть спровоцированный кадровым дефицитом приток на рынок труда уязвимых категорий населения из состава потенциальной рабочей силы [4], многие представители которых предпочитали работать по сокращенному графику.

В современных условиях рост значимости немонетарных выгод трудовой деятельности обусловлен несколькими факторами. С одной стороны, по мере насыщения базовых материальных потребностей в структуре предпочтений трудящегося населения происходит сдвиг в сторону невещественных ценностей, таких как дополнительный ресурс времени, автономность, комфортность условий труда, самореализация. С другой стороны, развитие технологий и, прежде всего, цифровизация экономики способствуют расширению спектра нестан-

Таблица 2

Распределение суточного фонда времени занятого населения

Вид деятельности	Доля суточного фонда времени (%)			
	женщины		мужчины	
	2019 г.	2024 г.	2019 г.	2024 г.
Оплачиваемая занятость и связанные с ней виды деятельности	26,2	25,5	28,9	28,5
Неоплачиваемый труд	16,3	14,4	9,8	8,9
Свободное время	11,5	13,5	15,2	*15,2*
Сон, личная гигиена и уход за собой	46,0	46,9	46,1	46,4

Рассчитано по: данные Росстата. Итоги выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением за соответствующие годы. https://72.rosstat.gov.ru/fvrem (дата обращения: 04.08.2026).

дартных форм занятости. При этом растущая гибкость трудовых отношений дает возможность реализации индивидуальных предпочтений в отношении тех или иных параметров рабочих мест, но одновременно генерирует новые риски в области социально-экономической защищенности работников.

Усилившаяся дифференциация немонетарных выгод и рисков требует разработки инструментария для их оценки. Наиболее масштабная работа в этом направлении была проделана в рамках ОЭСР, предложившей развернутую методологическую рамку для комплексной оценки благополучия в сфере труда[8]. Первым этапом этой работы стали методологические рекомендации по измерению качества занятости с разбивкой по трем блокам: доход от занятости (монетарный аспект), институциональная инфраструктура занятости и качество трудовой среды. В дальнейшем третий блок был детализирован в специальном документе – «Рекомендации по измерению качества рабочей среды» – с выделением шести ключевых аспектов, оцениваемых с опорой на объективные и субъективные индикаторы[9]. Важность привлечения субъективных оценок аргументируется, в числе прочего, возрастающей гетерогенностью рабочих мест, которая часто не отражается административной статистикой, но улавливается в ходе обследований занятых на них работников [24; 28].

[8] OECD. OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. Paris: OECD Publishing, 2013. http://dx.doi.org/10.1787/9789264191655-en (дата обращения: 04.08.2026).

[9] OECD. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment. Paris: OECD Publishing, 2017. http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en (дата обращения: 04.08.2026).

Не менее важен и еще один аргумент: немонетарные выгоды, сопряженные с трудовой деятельностью, в каждом конкретном случае ощутимо зависят от того, насколько органично профессиональные навыки, личностные характеристики и предпочтения работника сочетаются с особенностями рабочего места. Этот аспект нашел теоретическое отражение в модели «требования-ресурсы» [9; 15], обосновывающей «интерактивный» подход к оценке качества трудовой среды на основе степени соответствия ресурсов, которыми располагает работник (физического здоровья, эмоциональной устойчивости, профессиональных навыков, способности к обучению и т. д.), и требований рабочего места. Ряд эмпирических исследований подтверждает, что превышение указанных требований над ресурсами снижает не только внешние результаты трудовой деятельности, но и ее непосредственную полезность [17].

В целях разработки инструментария комплексной оценки микроуровневой результативности труда ОЭСР осуществила пилотный проект по измерению благополучия, связанного с работой[10]. Были разработаны и апробированы три блока индикаторов: характеристики занимаемого рабочего места, удовлетворенность различными параметрами трудовой среды и оценка благополучия своей жизненной ситуации в целом. Предполагалось, что собранная в процессе опроса работников информация будет использована не только при формировании политики компаний по управлению человеческими ресурсами для купирования уязвимых зон в области благополучия работников, но и в перспективе, также в целях всесторонней оценки вклада бизнес-структур в благополучие людей и общества в целом и совершенствования статистического учета результатов экономической деятельности в странах ОЭСР.

Наиболее последовательно учет интерактивного фактора результативности – степени соответствия параметров рабочего места и характеристик работника – осуществлен в исследованиях, в которых сопоставление объективных и субъективных индикаторов инструментального и немонетарного благополучия, связанного с работой, осуществляется отдельно по каждому из рассматриваемых аспектов с возможным последующим агрегированием в единый индекс. Такой подход позволяет выявить распределение уязвимых зон риска для разных категорий работников. Так, исследование, проведенное на базе Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (КОУЖ), пока-

[10] OECD. An OECD survey of employee well-being: An instrument to measure employee well-being inside companies // OECD Papers on Well-being and Inequalities. 2024. No. 24. OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/74f48e24-en (дата обращения: 04.08.2026).

зало, что наиболее выраженной зоной немонетарного благополучия российских работников выступает защищенность занятости. Менее благоприятная ситуация, снижающая непосредственную полезность труда, складывается в аспектах профессионального развития и баланса работы и личной жизни, а для состоящих в браке и имеющих детей мужчин также в области условий труда [5].

Более широкий круг аспектов, включая доход от занятости, позволяет комплексно оценить Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области. Результаты, полученные на этой региональной базе, в целом согласуются с выводами общероссийского исследования на базе КОУЖ: высокий уровень защищенности занятости в регионе контрастирует с низким индексом профессионального развития [6]. Еще одной зоной уязвимости выступает низкий уровень артикуляции и защиты интересов работников. Оба исследования фиксируют значимую прямую связь немонетарных аспектов благополучия с уровнем материального благосостояния работников. Для работников с низкими доходами недостаточность заработной платы сопровождается низким уровнем индикаторов непосредственной полезности труда.

Заключение

Анализ подходов к исследованию результативности труда показал, что в современных реалиях сложившаяся система ее оценки нуждается в расширении круга используемых индикаторов. Это касается как внешней по отношению к субъекту трудовой деятельности стороны результативности, отражающей прирост объема создаваемых благ и благосостояния общества в целом, так и ее оценки с позиций непосредственных интересов работника.

Снижение достоверности стандартного показателя производительности труда обусловлено, во-первых, возрастающей сложностью оценки объема произведенных благ в ситуации, когда по крайней мере половина учитываемого экономического результата и большая часть совокупной занятости приходится на сферы деятельности, продукт которых трудно или вовсе невозможно измерить. Во-вторых, усложнением связи между объемом, вариативностью и качеством производимых благ, с одной стороны, и уровнем благополучия и качества жизни населения, с другой. В-третьих, трудностями расчета знаменателя показателя производительности труда в условиях расширения спектра условий и форм занятости.

Усложняется и другая сторона оценки результативности, отражающая взгляд со стороны непосредственного субъекта трудового процесса. Традиционные индикаторы, фокусирующиеся на монетарной

отдаче от труда и соблюдении рамочных трудовых гарантий, в недостаточной степени соответствуют изменившимся реалиям положения человека в трудовой сфере, расширению и индивидуализации запросов к качеству трудовой среды. Поэтому наряду с соотношением затраченных трудовых усилий и дохода от занятости необходимо принимать во внимание нематериальные выгоды (или ущерб), составляющие непосредственную полезность труда для работника.

Расхождение реальной ситуации и стандартных статистических индикаторов способствовало становлению инициативы «За пределами ВВП», в рамках которой ведется поиск новых подходов к оценке вклада трудовой деятельности в благосостояние современных обществ. Для его оценки сегодня требуется разработка и апробация индикаторов, ориентированных не на прирост создаваемого продукта, а на вклад в улучшение благополучия людей. Комплексная оценка результативности труда должна учитывать довольно широкий спектр материальных и нематериальных благ и полезных эффектов, в том числе связанных с накоплением в процессе трудовой деятельности знаний и компетенций, с приростом неотделимого от самого человека нематериального богатства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Константинова, Л.В., Шубенкова Е.В.* Особенности производительности труда в социальной сфере // Экономика труда. 2026. Т. 13. № 6. С. 801–814. [*Konstantinova L.V., Shubenkova E.V.* Features of labor productivity in the social sphere // Labor Economics. 2026. Vol. 13. No. 6. Pp. 801–814. (In Russ.).] DOI: 10.18334/et.13.6.126125.
2. *Музычук В.Ю.* Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. № 4. С. 502–517. [*Muzychuk V.Yu.* Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere? // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2025. Vol. 21. No. 4. Pp. 502–517. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517.
3. *Рубинштейн А.Я.* Культурная политика государства и теория общественного выбора. Препринты Института экономики Российской академии наук. М.: ИЭ РАН. № 2026-5. [*Rubinshtein A.Ya.* State Cultural Policy and Public Choice Theory. Working papers of the Institute of Economics of the RAS. Moscow: Institute of Economics of the RAS. No. 2026-5. (In Russ.).]
4. *Соболев Э.Н.* Трудовой дефицит в российской экономике: тенденции, факторы, подходы к преодолению // Общество и экономика. 2026. № 1/2. С. 173–191. [*Sobolev E.N*. Labor shortage in the Russian economy: trends, factors, approaches to overcoming // Society and Economy. 2026. No. 1/2. Pp. 173–191. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S3034598726010097.
5. *Соболева И.В., Баскакова М.Е., Кубишин Е.С., Соболев Э.Н., Черных Е.А.* Монетарные и немонетарные аспекты благополучия, связанного с работой, в российской экономике: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2025. [*Soboleva I.V., Baskakova M.E.,*

Kubishin E.S., Sobolev E.N., Chernykh E.A. Monetary and non-monetary aspects of work-related well-being in the Russian economy: Research Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2026. (In Russ.).]

6. *Соболева И.В., Леонидова Г.В., Белехова Г.В.* Работа и благополучие: эмпирический анализ на региональной базе данных // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2026. Т. 19. № 3. С. 186–208. [*Soboleva I.V., Leonidova G.V., Belekhova G.V.* Work and well-being: empirical analysis on a regional database // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2026. Vol. 19. No. 3. Pp. 186–208. (In Russ.).] DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.10.
7. *Старокожева В.П., Агарычева А.В., Сковпень В.А.* Анализ продолжительности рабочего времени в странах мира // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 749–770. [*Starokozheva V.P., Agarycheva A.V., Skovpen V.A.* Analysis of Working Hours in Countries around the World // Economy of Labor. 2024. Vol. 11. No. 6. Pp. 749–770. (In Russ.).] DOI 10.18334/et.11.6.121187.
8. *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. № 1. С. 28–42. [*Toshchenko Zh.T.* Forms of participation of higher education in solving problems of labor productivity // RUDN Journal of Sociology. 2024. No. 1. Pp. 28–42. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42.
9. *Bakker A.B., Hakanen J.J., Demerouti E., et al*. Job resources boost work engagement, particularly when job demands are high // Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 99. No. 2. Pp. 274–284. DOI: 10.1037/0022-0663.99.2.274.
10. *Van den Bergh, J.* 'Beyond GDP' Requires Replacement, Not Just Additional Metrics // Social Indicators Research. 2026. Vol. 182. No. 2. DOI: 10.1007/s11205-026-03837-5.
11. *Burgess I., Andersson H., Western G.* Bargaining for working time reduction. ETUC Study on Working Time Reduction in Collective Agreements. ETUC, 2025. https://news.industriall-europe.eu/documents/upload/2025/8/638913648340917861_ETUC_study_WT_reduction.pdf.
12. *Cabrita J.* Four days a week? Europe debates shorter working times. 6 October 2025. https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/four-days-a-week-europe-debates-shorter-working-times.
13. *Coyle D.* Productivity Measurement: New Goods, Variety, and Quality Change. In: The Measure of Economies: Measuring Productivity in an Age of Technological Change / Reinsdorf M.B., Sheiner L. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2024. Chicago Scholarship Online, 2025. DOI: 10.7208/chicago/9780226836348.001.0001.
14. *Coyle D.* The Measure of Progress: Counting What Really Matters. Princeton: Princeton University Press, 2025.
15. *Demerouti E., Bakker A.B., Nachreiner F., Schaufeli W.B.* The job demands-resources model of burnout // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86. No. 3. Pp. 449–512. DOI:10.1037/0021-9010.86.3.499.
16. *Frey B.S., Stutzer A.* Happiness, economy and institutions // The Economic Journal. 2000. October. Vol. 110. Iss. 466. Pp. 918–938. DOI: 10.1111/1468-0297.00570.
17. *Galanakis M.D., Tsitouri E.* Positive psychology in the working environment. Job demands-resources theory, work engagement and burnout: A systematic literature review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1022102.
18. *Griliches Z.* R&D and Productivity: The Econometric Evidence. University of Chicago Press, 1998. http://www.nber.org/chapters/c8352.

19. *Jansen A., Wang R., Behrens P., Hoekstra R.* Beyond GDP: a review and conceptual framework for measuring sustainable and inclusive wellbeing // Lancet Planet Health. 2024. No. 8. Pp. 695–705. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00147-5.
20. *Juster F.T.* Rethinking utility theory // Journal of Behavioral Economics. 1990. Vol. 19 (2). Pp. 155–179.
21. *Kelsey J. O'Connor.* Measuring societal progress. In: Encyclopedia of Happiness, Quality of Life and Subjective Wellbeing. Edward Elgar Publishing, 2024. Pp. 337–346.
22. *Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B.* Income and emotional well-being: A conflict resolved // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. No. 10. DOI: 10.1073/pnas.2208661120.
23. *Max-Neef M.* Economic growth and quality of life: a threshold hypothesis // Ecological Economics. 1995. No. 15. Pp. 115–118.
24. *Schmitz LL, McCluney CL, Sonnega A, Hicken MT.* Interpreting Subjective and Objective Measures of Job Resources: The Importance of Sociodemographic Context // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16 (17). DOI: 10.3390/ijerph16173058.
25. *Sen A.K.* Commodities and Capabilities. North-Holland, Amsterdam, 1985.
26. *Stieglitz J., Fitoussi J.-P., Duran M.* Beyond GDP. Measuring Economic Development and Social Progress. OECD: Paris, 2018.
27. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up: The Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. New York: New Press, 2010.
28. *Tims M., Bakker A.B., Derks D.* Development and validation of the job crafting scale // Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 80. No 1. Pp. 173–186. DOI: 10.1016/j.jvb.2011.05.009.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра развития человеческого потенциала ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Soboleva – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Center for Human Potential Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

TWO PERSPECTIVES OF LABOR OUTCOMES: LATEST CHALLENGES AND NEW APPROACHES TO ITS ASSESSMENT

The article examines the outcome of labor activity from two perspectives: its contribution to the well-being of society, on the one hand, and satisfying individual interests of the subject of the labor process—the worker, on the other. It is demonstrated that widely used standard approaches to assessing labor activity outcome from these two perspectives fail to provide a comprehensive picture of the real situation, as they do not take into account a wide variety of intangible benefits that have no physical embodiment but still satisfy the most important human needs. The paper discusses alternative approaches to measuring the economic and social outcomes of labor activity, including expanding the range of indicators that reflect intangible aspects contributing to the growth of well-being.

Keywords: *labor outcomes, outcome indicators, labor productivity, well-being, subjective well-being, direct utility of labor, time balance.*

JEL: O40, J28, J8.